

УДК 811.512.1

НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ПАДЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Эргин Е. Г.

*Азербайджанский государственный педагогический университет
E-mail: azfolklor@yahoo.com*

В научной статье через призму исторического развития тюркских языков автор рассматривает развитие ряда грамматических и морфологических категорий. Тюркские языки, как древние языки, прошли долгий путь развития, обогатив своё морфологическое строение и грамматические категории, дошли от аморфности до агглютинативности. Объединяющим эти языки в одной группе основным признаком является общность грамматического строения, а также основных словарных фондов. В рамках этого исторического развития, как и ряд морфологических категорий, категория падежа, хотя и обогатила свои компоненты, серьезным изменениям не подверглась. Хотя в современных тюркских языках относящиеся к категории падежа термины, названия падежей, число и морфологическое показатели в определенной степени и отличаются, от материнского тюркского языка основательно не отдалились.

Ключевые слова: тюркские языки, падеж, морфология, категория.

Постановка проблемы. Известно, что история языка столь же древняя, как и история общества. Язык, будучи основным и незаменимым средством общения между людьми, сыграла неоспоримую роль в сохранении культурного наследия и исторической памяти. Возникший из естественной потребности и необходимости язык, безусловно, развился вместе с обществом и обогатился, приобрел широкие возможности и в устной, и письменной форме. В этом смысле, говорящие «история языка – это история общества», конечно же, не заблуждаются. Язык всегда «жил вместе с обществом, к которому принадлежал: развивался в годы возвышения общества, при деградации переживал кризис, когда общество гибло, погибал, забывался и язык» [7, 5]. В этом контексте изучение современных языков, исследование любого элемента языка, категории делает необходимым важность обращения, наряду с нынешними родственными языками, к исторически ушедшим языкам, а также к древним письменным памятникам. В связи с нашей темой по мере необходимости будем обращаться к историческим фактам, приведем примеры из древних письменных памятников тюркских народов. Так как «материя и форма родного языка» тогда может быть понята, когда его рождение и постепенное развитие отслеживается, а это, невозможно без внимания, прежде всего, к его слабым формам, а во-вторых, близким живым и мертвыми языкам» [6, 4]. «На современном уровне развития тюркологии особое значение имеет диахроническое исследование грамматических категорий, составляющих отдельные звенья грамматического строения тюркских языков» [5, 3]. В этом контексте, при синхронном исследовании любой грамматической категории приходится ссылаться на диахронические языковые факторы.

Тюркские языки, будучи и генеалогически, и типологически родственными языками, прошли богатый исторический путь. Объединяющим эти языки в одной группе основным признаком является общность грамматического строения, а также

основных словарных фондов. Как раз на основании этой общности распространившиеся во все стороны бескрайней нашей страны тюркские народы в большей или меньшей степени понимают друг друга. У формирования тюркских народов, а также их языков есть очень древняя и богатая история. Еще задолго до нашей эры сформировавшиеся из одного корня десятки родов, племен и союзов племен в результате разделений, объединений и снова разъединений обусловили появление, развития и формирования литературных языков сначала больших, родственных друг с другом языковых семей, а потом современных тюркских языков» [11, 5]. Значит, что первым этапом образования языков считается аморфная стадия. На этом этапе в языках грамматических форм, можно сказать, не было, по этой причине насыщенное грамматическое построение образоваться не смогло. В то время, как часть языков, пройдя этот этап, обрела своеобразные грамматические показатели, другая часть не смогла развить свою древнюю форму. В результате, хотя китайский, тибетский, корейский, вьетнамский языки и дошли до нашего времени в качестве основных хранителей аморфных языковых элементов, тюркские народы, пройдя путь развития через этот этап к агглютинативности, сумели овладеть богатыми грамматическими показателями, а также грамматическим строением. Б.Халилов, отмечая важную роль, которую играет происходящий в корнях слов процесс асемантизации (*or: or-aq, or-du; uz: uz-aq, uz-un* и др.) в развитии тюркских языков от аморфности к агглютинативности и обогащении морфологического строения и относительной стабилизации, пишет, что «асемантизация несколько стабилизировала морфологическое строение тюркских языков. В результате морфологическое строение тюркских языков отличалось от аморфных языков. Вместе с тем, морфологическое строение тюркских языков обогатилось. А также начали отличаться друг от друга корень, аффикс и их границы в словах» [4, 2]. Автор, продолжая затем мысль, пишет «нам кажется, что не будь этого этапа, тогда их односложных слов не сформировались бы и двухсложные, трехсложные слова. В то же время, первичные корни с аморфно-синкретически-моносиллабическим строением не могли отобразиться в окаменевшем, асемантизированном виде в двухсложных, трехсложных словах» [4, 12]. Следовательно, тюркские языки, семантически-функционально развив морфологическое строение, отделились от аморфности, завершила процесс своей эволюции в агглютинативности.

Тюркские языки свое агглютинативное строение сумели сохранить очень крепко исторически. Олжас Сулейменов пишет, что «Строение и морфология многих языков, входящих в индоевропейскую языковую семью, исторически в корне менялась в течение короткого промежутка времени. Хотя в этот временный период в тюркских языках никаких изменений не произошло» [8, 172]. Это постоянство стало причиной большего сохранения древних корней слов в тюркских языках. Б.Халилов, более точно комментируя этот процесс, пишет: «Из восстановленных в индо-европейских языках 203 «древних» словарных корней 198 сохранены в составе производных слов уральских и алтайских слов. Или из проведенных исследователями сравнений стало ясно, что в енисейских (арины, юги, кеты, котты, пумпоколы) и северокавказских языках много корней слов составляют соответствие. Кроме того, многие корни слов в своих производных превратились в «мертвые корни». Следы

«мертвых корней» в тюркских языках в большей степени обрели право долголетия» [3, 10]. Следовательно, тюркские языки находятся среди исторически сохранивших свое морфологическое строение, не отдалившихся от агглютинативного строения языков. Несмотря на это, так как эти языки в ходе долгого исторического процесса развития принадлежат к отличным географическим позициям и историческим условиям, хотя морфологические категории, являясь одинаковым во всех языках, показатели, относящиеся к этим категориям, в определенной степени отличались друг от друга. Так, хотя большинство словообразующих и словоменяющих аффиксов в тюркских языках и составляют общность, со временем часть потеряла свою употребительность или стала более активной, а часть подверглась определенным фонетическим изменениям, даже была заменена отличными аффиксами. И поэтому эти направленные исследования важны и с точки зрения отслеживания процесса исторического развития тюркских языков.

Известно, что в тюркских языках основные части речи делятся на две группы – имена и глаголы. Есть ряд категорий, общих для этих частей речи, которые называются общими грамматическими категориями. Хотя в азербайджанской филологии и тюркологии о числе общих грамматических категорий есть идейные разногласия, большинство исследователей сюда включили 5 категорий:

1. Категория падежа;
2. Категория принадлежности;
3. Категория численности;
4. Категория сказуемости;
5. Категория отрицания.

В большинстве тюркских языков исторически не подвергавшаяся таким уж серьезным изменениям категория падежа, создавая грамматическую связь между членами предложения и компонентов словосочетаний, охватывает существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие, причастие и инфинитивы. Падежность, в действительности, считается категорией, вытекающей из требований формально морфологических, по функции – синтаксических (2, 50). В изучении категории падежа, отличающегося своим богатством в грамматическом строении тюркских языков, особая роль была у А.М.Щербака, Н.А.Баскакова, Б.И.Богородицкого, А.Кононова, О.Сулейменова, Т.Бангуоглу, Ф.Зейналова, А.Шукюрлю, М.Гусейнзаде, Б.Халилова и др.

В современных тюркских языках категория падежа именуется различными терминами:

В азербайджанском языке «*hal*», тюркском языке «*durum*», туркменском языке «*düşüm*», казахском языке «*septik*», узбекском языке «*kelişik*» и пр.

В тюркских языках различно и число падежей существительного. В азербайджанском, турецком, татарском, киргизском, алтайском, ногайском, кумыцком, узбекском языках у существительного есть 6, караимском, карачаево-балкарском, желто-уйгурском, тувинском, казахском языках 7, хакасском языке же 8 падежей. В книге «Общая грамматика турецко-татарского языка», изданной М.Казимбеком в 1839 году, падежи существительных были даны на арабском:

1. *Əlmübtəda (əlfail)*- именительный падеж; 2. *Əlizəfa*- родительный падеж; 3. *Əlməfuli ileyh*- дательный падеж; 4. *Əlməfuli beh- təsirlik* падеж; 5. *Əlmünadi*- звательный падеж; 6. *Əlməfuli ənh*- исходный падеж; 7. *Əlməfuli fih- yerlik* падеж» [10, 196].

Как можно заметить, из показанных М.Казымбеком названий падежей «*əlmünadi*» - то есть звательный падеж – в нашем языке не используется, другие же падежи представлены под совершенно другими названиями. А.Танрывердиев показывает, что «в изданной в 1930 году Бакиром Чобанзаде книге «Тюркская грамматика» название падежей арабские, точнее, похожи на представленные Мирзой Казымбеком названия падежей: 1. *Mücərrəd*- именительный падеж; 2. *Məfulün ileyh*- родительный падеж; 3. *Məfulün bih-təsirlik* падеж; 4. *Məfulün ileyh*- дательный падеж; 5. *Məfulün fih-yerlik* падеж; 6. *Məfulün ənh*- исходный падеж.

В этой ряду «*məfulün bih* (творительный падеж) третий, а в сегодняшних книгах по грамматике принимается как четвертый падеж» [10, 196]. В 1920-30 годы падежам существительных не давали никаких названий, они показывались лишь своими аффиксами. Число падежей было доведено до 8. Впервые в 1934 году в азербайджанском языке возникли названия падежей и были приняты 7 падежей существительного. Седьмой падеж получил название совместного падежа, в грамматиках 1939 года, выведя родительный падеж с совместным падежом, оставили лишь 5 падежей. Выведение родительного падежа из ряда падежей было связано с образованием соединения прилагательного третьего рода и изучением этих соединений в синтаксисе. Однако в 1944 году родительный падеж абсолютно правильно был возвращен в ряды падежей. А совместный падеж, хоть и имеется в большинстве тюркских языков, в азербайджанском языковедении удовлетворительным признан не был. Вообще, об этом падеже есть противоречивые взгляды. Исторически сформировавшийся от послеслога *birlən* соединение *ilə* (и его аффиксированные формы *la*, *lə*) были формами выражения совместный падежа, писалось со словами и слитно, и раздельно. А.Ахундов указывает на служение этого послеслога с различными фонетическими вариантами выражению совместный падежа в диалектах и наречиях азербайджанского языка [1, 42].

Выводы и перспективы. Известно, что в азербайджанском языке многие послеслоги могут использоваться с падежами существительных и некоторые пишутся со словами и слитно, и раздельно. Если совместный падеж будет принят в качестве отдельного падежа, тогда придется принять, что и другие послеслоги являются формой выражения того или иного падежа. А в этом необходимости нет. Так как другие падежи существительных выражаются лишь аффиксами. В казахском, караево-балкарском, караимском, хакасском, шорском, чувашском, якутском языках совместный падеж и сегодня выделяется как отдельный падеж. В Орхон-Енисейских памятниках совместный падеж показывается в качестве девятого падежа существительных. Али-иса Шукюрлю отмечает, что «совместный падеж в средневековых тюркских языках, возможно, использовались с XVIII века. Однако не отличающееся по грамматической и семантической задаче послеслоги *birlə*, *ilə* постепенно стали причиной забвения аффикса совместного падежа. Вместе с тем, следы и остатки падежного аффикса *-in*⁴ можно встретить в составе некоторых усто-

явившихся слов в виде изолированной лексической единицы в нынешних тюркских языках. Падежный аффикс совместного падежа, выражаемый вариантами аффиксов **-in, -in, -in**, можно встретить и в уйгурских письменных памятниках» [10, 90].

Литература

1. Ахундов. А. Имеются ли камитатив в падежной системе диалектов азербайджанского языка? / А.Ахундов. – Советская тюркология, 1988, № 4
2. Гусейнзаде М. Современный азербайджанский язык / М.Гусейнзаде. – Баку: Просвещение, 1983 (на азерб. языке)
3. Халилов Б. Фоносемантическое развитие двухсложных глаголов в азербайджанском языке / Б.Халилов. – Баку: 1996 (на азерб. языке)
4. Халилов Б. Первичные корни глаголов / Б.Халилов. – Баку, 1998 (на азерб. языке)
5. Мадатова Р. Инфинитив в письменных памятниках азербайджанского языка XIII-XVIII веков / Р.Мадатова. – Баку: Нурлан, 2002 (на азерб. языке)
6. Мирзоев Г. Специальный семинар по морфологии современного азербайджанского языка / Г.Мирзоев. – Баку: Издательство АПИ, 1971 (на азерб. языке)
7. Раджабов А., Мамедов Я. Орхон-Енисейские памятники / А.Раджабов, Я. Мамедов. – Баку: Писатель, 1993 (на азерб. языке)
8. Сулейменов О. Аз и я / О.Сулейманов. – Баку: 1993 (на азерб. языке)
9. Шукюрлю А. Язык древних тюркских письменных памятников / А. Шукюрлю. – Баку: Просвещение, 1993 (на азерб. языке)
10. Танрыверди А. Историческая грамматика азербайджанского языка / А. Танрыверди. – Баку: Наука и образование, 2010 (на азерб. языке)
11. Зейналов Т. Основы тюркологии / Т. Зейналов. – Баку: Просвещение, 1981 (на азерб. языке)

Ергін Е. Г. Напрями історичного розвитку і відмінкові категорії тюркських мов / Е. Г. Ергін // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2014. – Т. 27 (66), № 3. – С. 57–62.

У науковій статті через призму історичного розвитку тюркських мов автор розглядає розвиток ряду граматичних і морфологічних категорій. Тюркські мови, як стародавні мови, пройшли довгий шлях розвитку, збагативши свою морфологічну будову і граматичні категорії, пройшли шлях від аморфності до аглютинації. Об'єднуючим фактором цих мов є спільність граматичної будови, а також основних словникових фондів. У рамках цього історичного розвитку, як і ряд морфологічних категорій, категорія відмінка, хоча і збагатила свої компоненти, серйозним змінам не піддалася. Хоча в сучасних тюркських мовах терміни, що відносяться до категорії відмінка, назви відмінків, число і морфологічні показники деякою мірою і відрізняються, від материнської тюркської мови вони суттєво не віддалилися.

Ключові слова: тюркські мови, відмінок, морфологія, категорія.

Ergin E. G. Direction of historical development and usage of case categories in Turkic languages / E. G. Ergin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2014. – Vol. 27 (66), No 3. – P. 57–62.

In a scientific article in the light of the historical development of the Turkic languages considered carefully by the development of a number of grammatical and morphological categories. Turkic languages, such as ancient languages, have come a long way of development, enriching their morphological structure and grammatical category, came from amorphous to agglutinating. Unifying these languages in the same group is the main feature of common grammatical structure and vocabulary of basic funds. As part of this historical development, as well as a number of morphological categories, the category of case, although enriched its components, has not undergone major changes. Although the modern Turkic languages belonging to the category of case terms, names of cases, the number and morphological indicators to a certain extent different from the Turkic language of the parent is not thoroughly alienated. It is known that in the Turkic languages main parts of speech are divided into two groups - nouns and verbs. There are a number of categories that are common to these parts of speech are called common grammatical categories. Although the Azerbaijani and Turkic philol-

ogy on the number of common grammatical categories have ideological differences, most researchers here included five categories:

- Category of case;
- Category of accessories
- Category of number;
- Category of predictability;
- Category of denial.

In most of the Turkic languages have historically not really exposed to such major changes the category of case, creating a grammatical connection between the components of the sentence and phrases covers noun, adjective, numeral, pronoun, adverb, participle and infinitive. Of case, in fact, considered to be the first category arising from the requirements of formal morphological features syntaxes category.

In Turkic languages and the number of different cases of nouns. In Azerbaijani, Turkish, Tatar, Kyrgyz, Altai, Nogai, Kumyks, Uzbek languages the noun has 6 categories, Karaim, Karachay-Balkar, yellow-Uyghur, Tuvan, Kazakh has 7, Khakassia language has 8 cases.

If a joint case would be adopted as a single case, then you have to accept that other after-syllables are the forms of expression of a particular case. But this is not necessary. Other cases of nouns are expressed only by affixes. In Kazakh, Karachay-Balkar, Karaim, Khakassia, Shor, Chuvash, Yakut languages joint case nowadays stands out as a separate case.

Keywords: Turkic languages, case, morphology, category.

Поступила в редакцию 03.03.2014 г.